

18+

ЛЕНА ВЯЛЫХ

ТЕЛЕПОРТ СЛОМАЛСЯ

#СЕРИЯ_РАССКАЗОВ_T

ДУПЛИКАЦИЯ - 02:30
ДУПЛИКАЦИЯ - 52:53
ТЕЛЕПОРТ - ОЧКАРИЧ.

GATE-9

Лена Вялых

Телепорт сломался.

#серия_рассказов_Т

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39468057
ISBN 9785449391230

Аннотация

Небольшая #серия_рассказов_Т перенесет читателей в будущее Земли и её колоний, начав повествование от века, в который огромные многоэтажные космопорты переродились в станции входа и выхода благодаря открытию телепортации. Путешествуя от рассказа к рассказу, знакомясь с новыми персонажами, вы проследите, как менялась жизнь колонистов со временем, и узнаете, к чему привела обособленность Земли от всего остального мира.

Содержание

Ошибка Задвоения	5
Посреди заброшенной дороги	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Телепорт сломался #серия_рассказов_Т

Лена Вялых

Редактор Татьяна Алексеевна Титоренко

Корректор Татьяна Алексеевна Титоренко

Иллюстратор Арсений "Symberzite" Таратухин

© Лена Вялых, 2018

© Арсений "Symberzite" Таратухин, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-9123-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ошибка Задвоения

– Уважаемые пассажиры! Приветствуем Вас в конечном пункте Вашего путешествия на станции «Стелла-12», старейшей из работающих ныне по всей Галактике. Пожалуйста, не сходите с места после завершения процесса телепортации, дождитесь зелёного светового сигнала. Спасибо за то, что воспользовались услугами Агентства Передачи Информации «Световой шаг». Будем рады видеть Вас в следующий раз!

Дан сделал медленный вдох и неторопливо шагнул вперёд после того, как слева на стене привычно загорелся зелёный индикатор. Наиболее приятным во всей этой процедуре он считал момент, когда сознание полностью перемещалось в точку назначения, а одежда всё ещё досылалась короткими пакетами информации – конечно же, в целях экономии стоимости прыжка – и приятно щекотала кожу, возникая из ниоткуда и постепенно окутывая тело. На языке ощущался привкус мяты от утреннего кофе, в голове царила лёгкая невесомость, даря хорошее настроение, и по местному времени день только разгорался.

Дан прошёл мимо снующих туда-сюда пассажиров, ищущих друг друга в зоне ожидания, и присел на краешек скамейки неподалёку от современной инсталляции. Её форма, переливы света и окутывавший её звук вызывали ассоциа-

цию с настоящим водопадом Земли, навевая пожилым путешественникам ностальгию. Открыв ретро-портфель, вышедший из моды несколько поколений назад, мужчина разложил рядом с собой несколько предметов: свёрток, в который ещё на Дагоне заботливо уложил пару бутербродов, веточку с вечнозелеными листьями любимого растения – киллы, чей-то старинный кулон с потёртой гравировкой и чёрную, необычайно тяжёлую для своих крохотных размеров, капсулу. Затем он сложил руки на коленях и стал спокойно ждать.

Вокруг копошился и жужжал самый многоцветный народ, который едва ли где-то ещё увидишь в таком составе, кроме как на станциях отправления и прибытия. Какие-то дети бегали, шумно играли в безобидные игры, смеясь, перекрикиваясь. Над головой большие информационные табло, растянутые на весь потолок, сменялись имитацией летних облаков, пролетающих на фоне бесконечного нежно-голубого неба. Идиллию светлого дня и ненавязчивый музыкальный фон прерывали только важные повторяющиеся объявления:

– Уважаемые пассажиры, прибывающие на станцию «Стелла-12»! Если Вы ощущаете временную потерю памяти, слабость и головокружение, а вместе с зелёным световым сигналом мерцает оранжевый маячок, Вам необходимо немедленно обратиться в ближайший Пункт Аутентификации для сверки контрольных сумм. Спасибо.

Дан закрывал глаза и подолгу наслаждался шумом станции. На коже вокруг глаз постепенно углублялись добрые

старческие морщинки, а седая щетина на его пожилom лице, шурша, растягивала губы в медленной улыбке. В его памяти по небольшим обрывкам собиралась воедино картина далёкого прошлого: та же станция, та же толпа и та же имитация неба, но рядом с ним на скамейке задорно смеялась прекрасная девушка, нежно глядя на него – тогда ещё молодого и сильного, – а за ухо у неё была небрежно заправлена небольшая веточка с вечносиними, как её глаза, листьями. Затем девушка брала его за руку и увлекала за собой, исчезая в тумане времени. Дан не помнил, что следовало дальше, но это воспоминание было настолько ярким, что его хватало с лихвой.

Вдруг он услышал, как чьи-то ботинки шаркнули совсем рядом с ним, и нехотя открыл глаза, теряя улыбку. Полицмейстер, помятый жизнью мужчина средних лет в форме и с электродубинкой за поясом, извинился за беспокойство и вежливо попросил пройти за ним. Старик выжидающе посмотрел на его выцветшие ботинки, вздохнул и стал не спеша собирать в портфель разложенные на скамейке вещицы. Затем, аккуратно уложив их в той же последовательности, что и утром перед выходом из дома, он медленно поднялся и поправил свой тёмно-серый плотный костюм. Полицмейстер дождался, пока путешественник снова взглянет на него, жестом указал направление и развернулся. Не спеша, Дан двинулся следом, слушая передвигающийся гомон бурлящей вокруг жизни и перебирая фрагменты прекрасной картины,

уплывающей из памяти.

Полицмейстер привёл старика к кабинету, на двери которого красовалась табличка с жирными буквами: «Начальник Станции». После двух коротких старомодных стуков в дверь мужчина провел рукой рядом с сенсором, и дверь отъехала в сторону. У окна за широким столом сидел почти такой же широкий Начальник и нетерпеливо ждал своего посетителя. Он немедленно подался вперёд на большом подвижном кресле и махнул рукой. Полицмейстер осторожно подтолкнул старика под локоть, чтобы они вместе, наконец, вошли, и дверь бесшумно закрылась. Не дождавшись, пока старик сядет в неудобное кресло для гостей, а полицмейстер займет свой пост у стены, толстячок просиял:

– Мы приносим глубочайшие извинения, но, по всей видимости, произошла Ошибка Задвоения. Не переживайте, я сейчас всё объясню, у вас не успеет возникнуть ни одного вопроса, – не переводя духа, выпалил он. – Знаете ли, мы, как старейшая станция Галактики, обслуживаем невероятный поток путешественников. Вы за всю свою жизнь столько людей не видели, сколько проходит здесь за один лишь месяц! Мы, между прочим, очень этим гордимся. Ведь если бы не наша станция, то вся колония бы опустела и обанкротилась, а Земля потеряла бы значительную долю дохода. Так вот, как один из главных узлов, соединяющих почти все колонии между собой, и являясь чуть ли не единственным культурным мостом между зеленокожим населением гидро-

полисов, бледными обитателями ледяных спутников Юпитера и красно-коричневыми колонистами из созвездия Кита, мы превосходно справляемся со своей сложной задачей. Учитывая, что станция находится на планете, где грозы идут девять дней из десяти, наши системы работают феноменально точно. Но, видите ли, с вероятностью 0,00000001% канал информации, по которому пересылаются данные для телепортации, даёт протечку. Обычно эта протечка ликвидируется в считанные наносекунды, благодаря естественной саморегуляции подобных систем, но случается и так, что протечка внедряется в соседний канал и переносится по нему с непринуждённой простотой. В результате такого недоразумения на станции прибытия, а иногда и на двух соседних станциях, конвертируется, так сказать, из информации в материю не один, а два индивидуума.

Тут противный масляный толстячок пристально вгляделся в лицо старика и, не обнаружив на нём никаких эмоций, продолжил уже медленнее, смакуя каждое двусмысленное слово:

– Для устранения крайне неприятных ситуаций, когда некая взволнованная мать получает не своего ребёнка, а какую-то бессознательную оболочку, способную выполнять лишь предельно упрощённый набор команд... Хотя, надо признаться, некоторые мамы вполне довольны таким детишкой первое время, – рассмеялся Начальник Станции. – Они ведь не бросаются под лёткары, не ругаются гломатом

и не вырастают хулиганами. Они же вообще не вырастают!

Начальник, брызгая слюной, гоготал так, будто только что придумал эту шутку, и для убедительности хлопал себя ладошкой по коленке. Стоявший у стены полицмейстер вежливо улыбался, но при каждой возможности поднимал глаза к потолку и сам себе шептал про то, как ненавидит свою работу.

Толстый чиновник продолжил:

– Конечно, через некоторое время они всё равно возвращаются и требуют вернуть правильного ребёнка, а того уже давно безуспешно пытаются сбавить в рабство где-нибудь на Плутоне, зарёванного и замолкшего на ближайшие лет пять. Видал я таких детей, и не раз, – зрелище впечатляющее, – сердечно заверил он, для убедительности прижав к груди руку. – Так вот, для устранения таких недоразумений и для того, чтобы включить в идеально работающую автоматизированную систему такого, например, прекрасного человека, как я или вот как этот вернейший подд... подчинённый, и была придумана и внедрена процедура проверки и отслеживания расхождений контрольных сумм.

Дан спокойно сидел и слушал то, что не могло к нему относиться. Когда Начальник станции делал многозначительные паузы, старик переключался на журчание высокого многоступенчатого фонтанчика в углу кабинета и переносился в почти выцветшее воспоминание о том, как молодая стройная девушка осторожно трогала струю воды, проверяя тем-

пературу, а потом подставляла под неё свои длинные кудрявые волосы цвета тёмной ночи. Затем Начальник снова пускался в рассказы и объяснения, и мысли Дана опять возвращались в кабинет старейшей из ныне существующих станций.

– Так вот, быть тому верным или неверным – всё давно решил Галактический Совет по Телепортации и Этике Ликвидации Ошибок. Из двух индивидуумов, полученных, так сказать, на выходе, полностью соответствует исходному – лишь один. А вся задачка состоит в том, что по сверке контрольных сумм необходимо выяснить, кто именно соответствует исходному, и не проводить ненароком в Камеру Дезинтеграции не того человека. И, несмотря на то, что обычно и безо всяких проверок ясно, кто есть кто, мы дожидаемся результатов перепроверки сумм для отчётности, сами понимаете.

Усмехнувшись и изогнув брови, толстячок выжидательно посмотрел на спокойного дряхлого старичка, взгляд которого был будто устремлён внутрь, и нараспев промурлыкал:

– В данном случае не вижу смысла сомневаться в том, кто из вас двоих перед нами. Ведь вы даже не поняли ни слова из того, что я сейчас тут разжёвывал. Оригинальный индивидуум уже был мной успешно изучен, поскольку его выходной порт сразу зафиксировал подозрительную нестабильность, а о таких редких и важных происшествиях мне докладывают безотлагательно. Так что я уже успел провести квалифицированную оценку «тет-а-тет», и ваш, так сказать, двойник

сейчас ожидает завершения всей этой формальной процедуры в соседнем кабинете. В вашем случае датчик выходного порта, видимо, был неисправен, – он сурово поглядел на полицмейстера, который помимо охраны чистоты и порядка должен был выполнять ещё несколько функций вроде проверки индикаторов. – Мы ещё раз приносим извинения, ведь если бы датчик сработал сразу, вы бы знали, что должны срочно обратиться в Пункт Аутентификации, и пришли бы к нам добровольно, а не в сопровождении. Нам остаётся лишь дожидаться результатов проверки, и я сразу же окажу вам любезность, дорогой мой, сопроводить вас в ваше, без сомнения, последнее путешествие.

Последние слова Начальника жестокими иглами вонзились в сердце старика. Он стряхнул с себя задумчивость и неожиданно для всех вежливо заговорил:

– Позвольте поинтересоваться, по какой причине вы решили, что я не тот же человек, что вошёл в телепорт на Дагоне?

Толстячок отпрянул назад, насколько это позволяло кресло, а его брови взметнулись вверх. Проморгавшись, он сделал в воздухе кручённый жест своей ладошкой, и побледневший полицмейстер стремительно покинул кабинет.

– Вы поняли, что я вам объяснял? – слабо заикаясь, спросил Начальник.

Старик кивнул:

– Я понял, что вы пришли к выводу, которым и Совет,

и чиновники вроде вас снимают с себя всю ответственность за убийство. Но я отказываюсь из-за этого умирать.

Толстяк подбирал слова, но безуспешно. Он только двигал губами и впустую выдыхал воздух.

– Видите ли, я стар, – тихо начал Дан. – Я много прожил на этом свете и был свидетелем смены эпох. Я даже приложил руку к самому зарождению того технического прогресса, благодаря которому станции теперь выглядят не солидными многоэтажными космопортами для огромных транспортных кораблей, а всего лишь ульями-близнецами, на сотах которых написано «Вход» или «Выход». Современный мир упростился до невозможного: многолетние межзвёздные путешествия стали занимать пару минут, и теперь люди просто не знают, чем убить подаренное прогрессом свободное время. Но, несмотря на это, ими движет желание жить.

Старик задумался, но, прикрыв глаза, решил продолжить свой монолог.

– Девять лет назад умерла моя прекрасная жена. Это была самая красивая и добрая из женщин, – по шершавой щеке скатилась одинокая слеза. – Мы познакомились здесь более семидесяти лет назад, представляете?.. Я часто сюда возвращаюсь после её смерти. Мне кажется, все мои воспоминания о ней живут на той самой скамейке, и если вы не возражаете, я хотел бы вернуться туда и погрузиться в них.

Начальник не мог сообразить, как оказался в такой неве-

роятной ситуации, но степень смущения не позволяла ему спокойно находиться в обществе этого однозначно разумного индивидуума, которого он уже собирался дезинтегрировать, чтобы скорей вернуться к своей работе. Он пробурчал, что отпускает Дана до выяснения обстоятельств, и что к нему обязательно вернутся в ближайшее время, а пока он может ожидать на скамейке у выходов в зоне ожидания. Когда старик покинул кабинет, толстячок обмяк и ухватился ладошкой за лоб.

Под имитацией летнего неба было всё так же шумно, но магия утра уже пропала. Дан почувствовал легкий голод и вынул из свёртка бутерброд. Когда-то их делала жена, иногда дуясь на него, иногда увлечённо описывая свой новый гениальный проект, но всегда заботливо заворачивая и аккуратно укладывая в его портфель. А затем они вместе рука об руку направлялись к телепорту, беззаботно обсуждая планы на вечер.

Дан нежно посмотрел на веточку киапы, доедая бутерброд, и с лёгким вздохом убрал пустой свёрток обратно. Часы на запястье показывали 13:12. «Самое время», – подумал он и положил на свою ладонь прохладную чёрную капсулу.

Нагретая теплом человеческого тела капсула мерно показывалась. Цвет её менялся от плотного чёрного до тёплого лазурного. На её верхней части, ускоряясь, замерцал яркий

голубой индикатор, пока свет от него не разрезал ярким лучом пространство над ладонью старика, передавая ему записанное шестьдесят лет назад сообщение:

– Привет, Дан. Это я. И я уже на месте. Надеюсь, ты не будешь слишком сильно скучать, ведь я вернусь к тебе всего через несколько дней, – говорила голубым полупрозрачным ртом молодая черноволосая девушка, глядя в глаза старику. – Я-то уж точно тут не заскучаю: никогда не видела, что бы столько талантливых и известных архитекторов собралось в одном месте в одно время. Мне и полжизни не хватает, чтобы со всеми познакомиться!

Она залилась своим незабываемым смехом, наклонив голову набок.

– Но по ночам мне будет сильно не хватать твоих рук, а утром я буду скучать по твоей щетине. Так что жди меня домой очень скоро. Кстати, посмотри на часы, сейчас как раз наше время. Давай вместе загадаем желание – поскорее обнять друг друга!

Они оба зажмурились и через пару секунд снова нежно посмотрели друг другу в глаза.

– Я обязательно найду минутку, чтобы позвонить тебе вечером. Целую, обнимаю, люблю.

И сообщение, немного помедлив, свернулось обратно в чёрную капсулу, оставив старика один на один со своим одиночеством.

На скамейке кто-то вежливо прокашлялся. Дан поспешно

вытер с левой щеки слезу и убрал капсулу в карман портфеля.

– А я чуть-чуть не успел достать свою капсулу, – сказал такой же старик, в том же костюме и с тем же портфелем, сидя на другом конце скамьи. – Поэтому загадал желание вместе с вашей.

Дан устало посмотрел на него.

– Они решили, кого из нас следует дезинтегрировать? – без выражения спросил он.

– Нет, они проверили контрольные суммы, и всё сошлось. Закон запрещает дезинтегрировать любого из нас, – ответил второй.

– Ясно, – коротко бросил первый.

И после неловкой паузы добавил:

– Полагаю, нам обоим больше некуда идти, кроме как домой.

– Полагаю, что так, – кивнул второй Дан.

Они молча сидели на разных концах скамьи в одной на двоих задумчивости, а вокруг бегали и перекрикивались дети, и разноцветный народ искал друг друга у выходов в зоне ожидания. Заботливый женский голос напоминал о мерцающем маячке, а над головой неспешно пролетали цифровые летние облака, совсем как земные.

– Может, выпьем по чашке мятного кофе? – спросил один Дан.

– Как раз хотел предложить то же самое, – с лёгкой улыб-

кой ответил ему второй.

Посреди заброшенной дороги

– Ты меня не слышишь!

– Нет.

– Алекс, ты меня не слышишь!

Марта резким жестом сложила руки на груди и показательно отвернулась. Она простояла так пару секунд, но не смогла выдержать даже короткую паузу.

– Отдай мне частотную отвёртку, я сама всё сделаю, – буркнула она.

Чей-то зад торчал из-под капота старенького лёткара. Его обладатель продолжал переминыться с ноги на ногу, выдавая крайнюю занятость и нежелание продолжать диалог. Кстати, зад принадлежал хорошо сложенному и, судя по всему, высокому молодому человеку, который заодно приходился мужем обиженной, недослушанной Марте.

– Я же говорю, что знаю, в чём неполадка, и если ты мне дашь возможность самой...

Зад подался назад, и над головой Марты возвысилось покрасневшее от жары и работы лицо Алекса. Он вытер лоб рукавом рубахи и показательно бросил в ладонь жены короткий прогнивший провод. Марта удивлённо перевела взгляд с мужа на провод и обратно, а тот почти надменно объявил:

– Вот, в чём была проблема. И отвёртка здесь вообще не понадобилась.

Марта отбросила в сторону бесполезную запчасть биодвигателя, благодаря которому им так долго удавалось экономить на дорогом, относительно новом общественном телепорте, но теперь их усилия были уничтожены, обнулены. От досады лицо девушки приняло то неприятное выражение, которое по праву принадлежало её матери: всегда недовольные любыми решениями дочери губы, полный раздражения взгляд, некрасивые глубокие впадины у крыльев носа. Марта тут же мысленно представила своё отражение в зеркале и заставила себя расслабиться, насколько это было возможным посреди пустой заброшенной дороги в жаркий засушливый день.

– Чёрт возьми, – сквозь зубы процедила она, а затем выругалась гломатом.

«В жизни происходят вещи и похуже», – слышала она в своей голове. И этот голос, – как старый знакомый, чьё имя ты уже забыл, но чей ненавистный образ всё ещё узнаёшь издалека – этот голос снова решил напомнить о себе. Два долгих, невыносимо долгих года назад Марта, живущая в уютной подержанной капсуле с мужем, получила сообщение на свой голобраслет о том, что её родители на сто четвёртом году жизни приняли решение о прекращении жизнедеятельности. И если бы умирала одна только мать, это бы её ни сколько не задело. Но отец, любимый отец! Пусть он никогда не замечал ненависти, горящей в глазах этой женщины каждый раз, когда та смотрела на своего единственного ребён-

ка. Но он был так нежен с Мартой, так заботлив! Его любовь полностью компенсировала ненависть матери, и Марте хотелось, чтобы он прожил ещё столько, сколько бы смог. Но если эта женщина его уже на этот шаг уговорила, то дочери оставалось лишь смириться. О, если бы только всё прошло успешно, если бы только теперь материнский голос не перебивал её собственный!

Марта нарочно тряхнула головой, приводя мысли в порядок, и Алекс, вытирая руки о старую выцветшую тряпку, раньше служившую футболкой, заметил её растерянное выражение лица.

– Ты опять изгоняешь голос? – заботливо поинтересовался он.

Жена бросила виноватый взгляд, а потом устало вздохнула и опустилась на растрескавшийся асфальт в тени, отбрасываемой заглохшим лёткаром. Алекс нежно посмотрел на маленькое беззащитное создание, подобравшее колени и спрятавшее в них голову, и, забросив футболку в лёткар через открытое окно, сел рядом с ней.

– Эй, ты чего? – спросил он. – Что тебя так расстроило?

Марта подняла голову и, нахмутив брови, уставилась на мужа. Потом закрыла глаза и тихо произнесла:

– Вот скажи мне, я, конечно, всегда нелогично рассуждаю, но разве мы не находимся посреди необитаемой пустыни с поломанным лёткаром в самый разгар жары?

– Находимся, – с улыбкой ответил Алекс.

– И разве не старались мы накопить эту нереальную цепочку денежных знаков для моей операции? И не поэтому ли ты купил самый дешёвый двигатель на наш старенький лёткар, когда прежний расплавился?

– Да, – почти шёпотом подтвердил он.

– И разве нам теперь не придётся заплатить за транспортировку лёткара на расстояние половины меридиана, и разве это не обойдётся нам в четверть накопленной цепочки?

Алекс молча поцеловал раздражённую девушку в оголённое плечо, но та только недовольно надула губы. Зачем тогда было вылетать, если теперь придётся возвращаться домой и снова копить, копить, копить? Да и кому эта поездка вообще нужна? Неужели только ей одной?

Марта глубоко вздохнула. Она отчаянно боролась с чужеродным сознанием, паразитировавшим на её негативном настрое. Как же могло так получиться? Как могла одна глупая ошибка врачей так сильно испортить жизнь?

Они с мужем, возможно, были одними из первых жителей планеты, которые побывали в Центре Переноса Сознания. Революционная технология по переносу сознания от умирающего родителя ребёнку казалась такой волшебной, что Марта прощалась с отцом, будто до завтра, а с матерью, как с человеком, которого больше никогда не вспомнишь. Чувство горечи от потери родителей, от их физической смерти таяло где-то на стыке чувства новизны и предвкушения сладкого воссоединения с сознанием отца. И жизнь должна была

стать такой наполненной! Вот только недостаточно овладевшие сложной технологией, но допущенные до практики медицины-колонисты по ошибке вживили в спящий мозг отпечаток сознания ненавистной матери и будто в насмешку предложили в качестве компенсации слабые ментальные таблетки. Алекс уверенно говорил, что им нужно лишь немного времени и немного оптимизма, что они смогут накопить достаточно средств и избавить её от непредвиденных последствий медицинского вмешательства. И его последние слова, надежда на то, что чужой ненавистный голос уйдёт, остановили панику, начавшую было петлять по её нервам. Марта собрала волю в кулак, слабо улыбнулась и успокоилась. С того дня она, не обладающая прежней чистотой мысли, полностью положились на мужа.

И вот он сидел рядом, спокойный и довольный, смотрел на неё, как на маленького глупого ребёнка. Казалось, происходящее для него было нереальным, и потому несущественным: как будто не было этой полупустой колонии, где жизнь возможна только на полюсах, будто смерть от перегрева и обезвоживания посреди безжизненной пустыни была простой выдумкой. Да что там! Они оба просто-напросто присели отдохнуть приятным днём в тени сказочного дерева, глядя на спокойный шёлковый океан, переливающийся в лучах земного солнца. Своим беспечным видом Алекс вынуждал её задать этот вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.